

В. Г. Бережинский, М. Г. Ивануц

БОЕВОЙ РАСЧЕТ ГАРНИЗОНА ГОРОДА (КРЕПОСТИ) В ДРЕВНЕЙ РУСИ В ОБОРОНЕ

Исследования древнерусского военного искусства невозможно представить без учета особенностей древнерусского военного зодчества. Специалисты-археологи уже давно обращали внимание на тесную связь между особенностями военной фортификации и развитием военной тактики и системы вооружения нападающей стороны. Авторы статьи предлагают взглянуть на поставленный вопрос с другой стороны: система защиты внутри крепости, включая защитников, вооружение и военные приемы — они во многих случаях играли важную, иногда, решающую роль в обеспечении обороноспособности города.

Ключевые слова: гарнизон, оборона, городище, крепость, нападающие, тактика, осада, резерв.

При исследовании вопросов осады и обороны древнерусских городов, крепостей и других укрепленных пунктов часто сталкиваются с вопросами распределения сил и средств осаждающих и обороняющихся. Позже это распределение определялось термином «боевой расчет» гарнизона. Конечно же, его еще не было в Древней Руси, однако все имеющиеся в наличии вооруженные защитники распределялись в зависимости от их количества по участкам обороны. Причем однорядная концентрическая линия укреплений круглых в плане крепостей имела минимально возможный периметр, что позволяло оптимально распределять силы защитников в процессе осады [Моргунов, 2009, с. 22]. По сути, это был так называемый **боевой расчет**, первая попытка спланировать использование сил и средств в оборонительном бою.

Современные военные словари и энциклопедии дают такое определение боевому расчету: «Боевой расчет — временное воинское формирование, предназначенное для выпол-

нения различных задач; определение обязанностей военнослужащих в боевой обстановке, на случай тревоги» [Военный энциклопедический словарь, 2002, с. 201]; «определение особых (дополнительных) обязанностей военнослужащих гарнизона в зависимости от характера выполняемой задачи» [Советская военная энциклопедия, 1976, с. 537]. Боевой расчет производится в боевой обстановке, на случай тревоги и т. д. На случай тревоги по боевому расчету определялись обязанности воинов по маскировке, оповещению, усилению охраны, подготовке запасов матсредств и др. [Советская военная энциклопедия, 1976, с. 537]. «По боевому расчету могут назначаться наблюдатели, связные, дозорные, подносчики боеприпасов и т. д.» [Военный энциклопедический словарь, 2002, с. 201].

Понятно, что такого термина в Древней Руси еще не было, но сам расчет сил и средств производился. Позже боевой расчет получил название **«осадная городовая роспись»**. В ней весь наличный гарнизон был расписан по башням и пряслам (участкам стены между башнями) крепостной стены [Шишов, 2005, с. 89].

Мудрый военачальник иногда, еще до начала обороны, при наличии значительных сил под рукой, часть их оставлял в «осадное сидение», а часть отправлял в сторону от укрепленного пункта для ведения боевых действий в тылу противника. Так, например, случилось в 1552 г. при осаде Казани. «Едигер, царь казанский, еще до прибытия русских, разделил свое войско на две части; с одною из них, в числе 30 т., заперся в городе, а другую, под начальством кн. Епанчи, расположил в окрестных местах по Арской дороге. Этот отряд, имея в тылу опорным пунктом Арский острог, находивший-

ся в 15 верстах от Казани, должен был всякий раз, когда выставлялось на городской башне знамя, производить набеги на лагерь осаждавших» [Фриман, 1895, с. 47].

«При приведении города в оборонительное положение, – писал Л. Фриман, – кроме прочих мероприятий, пополняли и распределяли гарнизон» [Фриман, 1895, с. 32], т.е. производили боевой расчет. При подготовке Пскова к обороне от поляков «псковские воеводы сожгли предместья, разделили между собой для лучшей обороны наружную, или окольную, ограду и сделали все приготовления к упорной встрече неприятеля» [Фриман, 1895, с. 34].

Гарнизон и вооруженные горожане занимали свои места на крепостной стене и изготавливались к бою по набатному зову [Шишов, 2005, с. 60]. Почему-то принято считать, что на валы крепости выходили все, кто мог держать в руках оружие. Но ведь их могло быть намного больше, чем было нужно, да и зачем оборонять весь периметр укрепленного пункта, если противник готовит штурм в одном или нескольких конкретных местах? Вот для этого и проводился расчет сил и средств. И если воины постоянного гарнизона были с ним в принципе знакомы, как и с тем, чем им и где конкретно придется заниматься, с ополчением было сложнее. Неудовлетворительное вооружение и боевая подготовка ополчения часто вносила коррективы в его боевое использование.

Ополченцы в основном использовались для производства вылазок, в качестве часовых, ночных и дневных патрулей, разведчиков и др. Н.Ф. Котляр пишет: «...Ополчение было ненадежным, своевольным, необученным, недисциплинированным и вооруженным тем, что в то время хранилось в княжеском арсенале» [Котляр, 2010, с. 67]. Вероятно, все же раз на раз, как говорится, не приходилось. Пример — ополчение Козельска и многих других городов.

Женщины также принимали посильное участие в обороне укрепленных пунктов. Они доставляли боеприпасы, готовили продовольствие, ремонтировали военное снаряжение воинов, готовили фашины, мешки, лечили раненых, хоронили убитых, а если возникала необходимость, они сами поднимались на крепостные валы. В лечебницы для раненых превращались церкви [Шишов, 2005, с. 283–284].

Л. Фриман писал, что защитники города «распределялись на две главные части: одна из них назначалась только для обороны ограды, другая для наступательных действий». Другими словами защитников делили на две части, одну из них назначали для обороны стен, а другую — для вылазок, «вменив последней в обязанность составлять резервы первой во время приступов» [Фриман, 1895, с. 32–36]. Хотя, для более позднего времени Манштейн

писал об обороне Очакова в 1737 г. «С первого дня до конца осады весь гарнизон распределен был по крепостному валу, прикрытому пути и редутам, где он оставался день и ночь бесменно, и едва его было достаточно для защиты занятых им постов». При осаде Кольберга в 1758 г. «весь почти гарнизон находился на прикрытом пути, ожидая нападения; валы же крепости заняты были гражданами» [Фриман, 1895, с. 205–206].

«Часть войска, назначенная собственно для обороны ограды, распределялась по стенам, башням и воротам. В больших городах оборона наружной ограды вверялась нескольким воеводам, из которых каждый, независимо от других, заведовал своей частью, подчиняясь главному воеводе. Каждая из этих отдельных частей подразделялась на меньшие части, находившиеся обыкновенно между двумя или тремя башнями; ими заведовали головы осадные или объезжие» [Фриман, 1895, с. 32–33]. Защитники, помещенные на вершине ограды или в башнях, имели определенные места на все время обороны – осадного сидения.

Для подноски снарядов для метательных орудий, средств осады – камней, бревен, бочек, котлов и других материалов, необходимых для обороны, употреблялись преимущественно жители, не входившие в состав гарнизона, но принимавшие всегда самое деятельное участие в обороне городов.

«В больших городах, имевших для обороны значительные гарнизоны, часть войска, отделявшаяся для вылазок, вверялась особым воеводам...». Позже «все эти частные распоряжения относительно распределения войск при обороне вносились в осадную книгу, которая называлась «росписью осадной»; сами же воеводы, которые находились в городах, или присылались нарочно по случаю угрожавшей осады, получили название «осадных воевод» [Фриман, 1895, с. 33].

Размещение орудий метательной артиллерии «во время приведения города в оборонительное положение, вероятно, не представляло больших затруднений, потому что вооружение оград было вообще весьма ограничено, притом же большая часть орудий, находившихся в башнях, оставались там и в мирное время. ... Число пушкарей в каждом городе зависело от силы вооружения ограды орудиями, а сила городского вооружения зависела от обширности оборонительных оград, находившейся в непосредственной связи с важностью укрепленного пункта... Число воротников – «караульщиков у городских ворот, чередовавшихся между собою, ... в каждом городе зависело от числа ворот». Кроме них обороной ворот занимались и специальные выделяемые на каждые ворота отряды – сторожи. При каждом воеводе безотлучно находились «разсылщики», которые «употреблялись для рассылок и составляли

караульных при денежной казне» [Фриман, 1895, с. 32].

Интересным является вопрос о том, выделялся ли **резерв** в обороне? «Резерв (от лат. *reservo* – сберегаю, храню) — военное формирование, людские ресурсы и запасы материальных средств, предназначенные для вновь возникающих задач, пополнения и обеспечения действующей части войска; элемент боевого порядка, предназначенный для решения задач, внезапно возникающих в ходе боя» [Советская военная энциклопедия, 1979, с. 92].

М.Дж. Догерти пишет: «Командующего, который сознательно стремился держать часть своих сил в резерве, можно было считать военным гением средневековья» [Догерти, 2010, с. 28]. Возможно, так было и на Руси, однако описания некоторых осад все же дают повод считать, что резерв, во всяком случае, иногда, все же существовал. Возможно, и не в таком виде, каким его видят теоретики военного дела периода средних веков. Резерв могли составить переброшенные с другого участка обороны воины, вновь сформированные команды ополченцев и т. д. В то же время «засадные» (резервные) полки, например, Даниила Галицкого, хорошо известны и неоднократно упоминаются в летописях [Котляр, 2010, с. 202]. Правда, не в обороне укрепленных пунктов, а в полевых боях.

Интересные сведения, в какой-то степени относящиеся к вопросу о боевом расчете гарнизона в обороне приводит К. Липа: «...у спорудженні міських фортифікацій участь ремісників не вичерпувалася виконанням будівельних робіт. Вслухайтесь у назви оборонних веж давніх міст: Шевська, Гончарна, Кушнірська, Сніцарська. Звісно, імена фортифікації отримали за назвами ремісничих цехів, що оплачували їх спорудження. На цеховиків також покладалося завдання підтримувати фортифікації у боездатному стані, ремонтувати та забезпечувати боєприпасами. І, звичайно ж, захищати за потреби. Тож у разі нападу паніки не виникало – кожен городянин просто займав місце біля своєї бійниці, де вже були складені кулі, ядра та порох. Але не всюди відповідальність за оборону міста розподіляли між собою ремісничі цехи. Інколи городяни вважали за доцільне покласти цей обов'язок на релігійні громади [Липа, 2007, с. 89].

І далее: «Прибульці несли з собою свої будівельні традиції і брали активну участь в обороні нової батьківщини. Досить показовим є приклад Язловця. У цьому багатому купецькому місті, яке сучасники звали «Пальмірою Поділля», існувало три головні вузли оборони – брами Руська, Вірменська та Жидівська (принагідно зауважимо, що у ті часи слово «жид» не було принизливим, воно просто позначало національно-релігійну приналежність, так само як «вірменин», або «русин»). Уже самі

назви свідчать про те, які громади у місті були найчисленнішими і найбагатшими. Як правило, одновірці і селилися компактно, в одній ділянці навколо свого храму. Тож у випадку ворожого нападу вірмени (обриси їхнього кварталу вгадуються ще донині), русини чи євреї захищали браму, через яку ворог міг вдертися безпосередньо до їхніх осель. Городяни, що належали до різних конфесій, спільно відбивали ворожі напади.

Із заповіту багатого вірменського купця Мінаса Сириновича, складеного 1672 р.: «на вірменську церкву – 200 галярів, на ремонт вірменського монастиря – 200 золотих, на польський костюл домініканський – 30 золотих, на польський костюл для ремонту даху – скільки буде коштувати дерево і виконання роботи, на міську руську церкву – 10 злотих, на другу міську – 10, на три церкви у передмісті – по 5... На ремонт у місті – 300 злотих, але **якщо виникне потреба – витратити на порох**» [Липа, 2007, с. 64–65].

Достоверно невідомо як «расписывался» гарнизон во времена Древней Руси, но представляет интерес то, как это сделал воевода Михаил Шеин в 1609 г. при подготовке обороны Смоленска от поляков. Весь гарнизон, опытный в ратном деле, воевода разделил на осадную (около 2 тыс. чел.) и вылазную (около 3,5 тыс. чел.) группы. Представляет интерес, что в вылазную группу было назначено чуть ли не в два раза больше людей, чем в основную – осадную.

Осадная группа организационно состояла из 38 воинских отрядов примерно по 50 ратников. Каждому из таких отрядов поручалась для обороны башня и прилегающий к ней участок крепостной стены.

Вылазная группа составила общий резерв, имевший при защите обширной по территории крепости очень большое значение. Резерв был почти в 2 раза сильнее осадной группы и мог совершать не только вылазки за стены, но и своевременно усиливать те участки крепостной ограды, которая была атакована неприятелем [Шишов, 2005, с. 90].

Сколько метров стены приходилось на одного защитника в оборонительном бою в Древней Руси также достоверно неизвестно. Кое-что в решение этого вопроса могут внести более поздние аналогии. Так, например, в 1608 г. во время второй осады Чигирин турками, татарами, молдаванами, албанцами и валахами «в гарнизоне сыгнали тревогу, и войска поспешили на указанные им места в крепостной ограде. На каждую сажень городских укреплений приходилось по 2–5 чел. Каждое орудие обслуживал расчет из 7 пушкарей. Полковник при вражеском штурме получал по 30 ратников-телохранителей, подполковник – по 15» [Шишов, 2005, с. 106]. Известно, что в июне 1611 г. к концу осады Смоленска поляками и украинскими казаками «каждому из ратников (осажденных)

днем и ночью приходилось наблюдать и оборонять 20–30-метровый участок крепостной стеньги¹ [Шишов, 2005, с. 94]. В XIX в. 1000 чел. приходилось на 1 версту протяжения линии фортов [Военное дело, 2006, с. 300]. При нехватке численности гарнизона для занятия всей оборонительной линии, занималась только ее часть на штурмоопасном участке [Фриман, 1895, с. 196].

Исследование осадных и оборонительных боев показало, что замки и крепости защищали себя лучше, чем города. Действительно, один из наиболее важных принципов фортификационной науки гласит, что противнику надо противопоставить как можно более длинный фронт обороны. Чем длиннее фронт оборонительных сооружений, тем больше неприятельских войск для своего окружения он требует и тем больше времени и работ надо затратить осаждающим, чтобы его сокрушить [Виолле-ле-Дюк, 2007, с. 32–33].

С другой стороны, боевой расчет сил и средств обороняющихся зачастую напрямую зависел от протяженности оборонительных оград укрепления, а они были в крепостях меньше, особенно мысовых, в городах – больше. Так, в тот период длина крепостной ограды Киева составляла 4 км, а Новгорода – 6 км. Ограда Владимира-на-Клязьме, построенная Владимиром Святославичем была протяженностью 2,5 км. В середине XII в. общая длина его валов и стен составляла уже 7 км [Шишов, 2005, с. 54, 56].

В конце XII в. городские стены Старой Рязани протянулись на 1500 м. Северное городище внутри самого города опоясывал вал со рвом длиной в 235 м. В 1232 г. Тверь была защищена деревянной рубленой оградой протяженностью в 800 м [Шишов, 2005, с. 51, 62]. Ограда Вышгорода составляла до 3 км, Переяславля (Южно-го) – 3,2 км [Шишов, 2005, с. 11–12]. Ограда Смоленска в конце XVI в. имела 5 верст протяжения [Фриман, 1895, с. 203]. Оборонный периметр города Львова составлял около 2-х км и был защищен высокой стеной и 18 башнями, каждую из которых содержал один из цехов [Липа, 2007, с. 66].

Клещин в Переяславском княжестве в XII в. был защищен валами с деревянной оградой окружностью в 500 м. Построенная Юрием Долгоруким новая столица этого княжества в 1152 г. имела валы протяженностью более чем 2 км [Шишов, 2005, с. 58]. В то же время крепость Копорье имела каменные стены протяженностью 550 м. Крепость Торжок в 1139 г. имела наружную ограду в 300 м [Шишов, 2005, с. 33, 48].

Другими словами, оборонный периметр древнерусского города исчислялся километра-

ми, а крепости — сотнями метров. Естественно, в обороне более короткая стена считалась предпочтительнее, поскольку требовала меньше даже дозорных, не то что защитников. Известно, что даже знаменитая Великая Китайская стена длиной 2778 км и высотой до 6,1 м не стала непреодолимым препятствием для врагов Китая. Для ее обороны не хватило даже китайцев [Хогг, 2008, с. 104].

Таким образом, можно сделать вывод, что численность гарнизона, безусловно, влияла на ход и исход обороны укрепленного пункта. Не существовало какой-то одной, «оптимальной» численности. Она напрямую зависела от важности и величины города или крепости и сложившейся обстановки и могла существенно увеличиваться за счет городского и сельского ополчения, монахов окрестных монастырей и т. д. От величины же гарнизона, количества его защитников зависел и их боевой расчет. На определенный участок обороны выделялось столько защитников, сколько было нужно и возможно, учитывая, естественно, саму конструкцию обороняемого участка. «Оборона крепости зиждется на гарнизоне, а крепостные сооружения обеспечивают возможность целесообразных действий гарнизона», — писал Петр I [Фриман, 1895, с. 1].

Виолле-ле-Дюк Э.Э. Крепости и осадные орудия. Средства ведения войны в Средние века / Э.Э. Виолле-ле-Дюк; пер. с англ. Е.В. Ломановой. — М.: Центрполиграф, 2007. — 255 с.

Военное дело: энцикл. словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона / ред.— сост. И.Е. Арясов. — М.: Вече, 2006. — 640 с.

Военный энциклопедический словарь / редкол.: А.П. Горкин, В.А. Золотарев и др. — М.: Большая Российская энциклопедия: Рипол классик, 2002. — 1664 с.

Догерти М.Дж. Средние века: Искусство войны / Мартин Дж. Догерти; пер. с англ. А.Н. Козлова. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — 215 с.

Котляр М.Ф. Нариси военного мистецтва Давньої Русі / М.Ф. Котляр. — К.: Наш час, 2010. — 280 с.

Липа К. Під захистом мурів / К. Липа. — К.: Наш час, 2007. — 184 с. — (Невідома Україна).

Моргунов Ю.Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков / Ю.Ю. Моргунов. — М.: Наука, 2009. — 303 с.

Советская военная энциклопедия: В 8-ми т. / Пред. глав. ред. комиссии А.А. Гречко. — М.: Воениздат, 1976. — Т. 1. — 640 с.

Советская военная энциклопедия: В 8-ми т. / Пред. глав. ред. комиссии А.А. Гречко. — М.: Воениздат, 1979. — Т. 7. — 688 с.

Фриман Л. История крепости в России / Л. Фриман. — СПб.: Паровая скоропечатня А.В. Пожаровой, 1895. — Ч. 1: До начала XIX столетия. — 240 с.

Хогг О. Эволюция оружия. От каменной дубинки до гаубицы / О. Хогг; пер. с англ. Л.А. Игоревского. — М.: Центрполиграф, 2008. — 250 с.

Шишов А.В. Твердыни России: От Новгорода до Порт-Артура / А.В. Шишов. — М.: Вече, 2005. — 416 с. — (Военный парад истории).

1. Способных сражаться в Смоленске оставалось всего 200–300 чел.

В. Г. Бережинський, М. Г. Івануц

**БОЙОВИЙ РОЗРАХУНОК
ГАРніЗОНУ МІСТА (ФОРТЕЦІ)
В ДАВНІЙ РУСІ В ОБЛОЗІ**

Дослідження давньоруської військової справи неможливе без урахування особливостей давньоруського військового зодчества. Спеціалісти-археологи вже давно звертали увагу на тісний зв'язок між особливостями військової фортифікації та розвитком військової тактики і системи озброєння нападаючої сторони. Автори статті пропонують погляд на поставлене питання з іншого боку: система захисту всередині військової фортеці включаючи захисників, озброєння та військові прийоми – вона в багатьох випадках відіграє важливу, а іноді визначальну роль у забезпеченні обороноздатності міста.

V. Berezhynsky, M. Ivanuts

**GARRISON TOWN (FORTRESS)
MILITARY UNITS IN OLD RUS
UNDER SIEGE**

The study Old Rus warfare is impossible without considering the peculiarities of ancient military architecture. Archaeologists have long drawn attention to the close connection between the characteristics of military fortifications and the development of military tactics and weapons systems of attacking side. The authors offer to take a look at the question from another side: protection system from the inside the military forts including defense, weapons and military techniques – it is in many cases an important and sometimes decisive role in the defense of the city..